СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Злость, овладевшая мной придала мне силы и в этот момент я готов был снести с моего пути все, что угодно. Пройдя вдоль водоема с километр вышел к неглубокому ущелью по дну которого весело бежал ручей с вкуснейшей чистой водой. Припав к воде пил пока мой живот не раздулся, как бурдюк, отдохнув немного выпил еще, пить уже не хотелось, но проведя столько времени без воды организм помимо воли делал запас на всякий случай. Снова заболела рука, видимо не давая ей зажить в битве с крокодилом я ее вновь повредил. Огромная дубина с корневищем на конце в виде палицы так и осталась в моей руке. Найдя удобное место под деревьями разжег костер и при помощи огня, и ножа довел свое новое оружие до кондиции. Теперь палица стала немного короче, тонкие корни обожжены и обрезаны, а ручка по толщине точно подогнана под руку. Учитывая мою силу и скорость в моих руках не слабое оружие ближнего боя. В кронах деревьев, росших вдоль ручья с наступлением ночных сумерек зачирикали, защелкали, запели, сотни птиц и перекрикивая этот многоголосый хор заурчав, пропел голодную песню мой желудок. Собирать съедобные растения ни зная, что из них можно есть и как они выглядят верх глупости, если вернуться к морю можно попытаться сделать острогу и наловить рыбы. Но там меня ждут злобные аборигены, а с одной рукой много не навоюешь, в боевых действиях желательно сделать перерыв, пока хоть не много заживет рука, значит к морю мне нельзя. Остается только охота, но для нее нужно оружие дальнего боя. Пистолет с одной обоймой это крайнее средство. Если бы я даже нашел из чего сделать тетиву и изготовил лук, стрелять одной рукой не возможно. И тут мой взгляд остановился на ремне, самое простое доступное мне оружие которым можно действовать одной рукой это праща, и оно у меня практически есть. Прикорнув немного у костра еле дождался утра. Утром сняв ремень и найдя несколько подходящих по размеру камней стал претворять свою идею в жизнь. Дракошики вложили в меня все знания древней библиотеки, а уж в то время искусство пращников было развито, как никогда вот и обратимся к первоисточникам. Библиотека древних заложена в моей голове интересным способом, вроде бы знаешь предмет, но для того, чтобы воспользоваться нужно обязательно вспомнить, о чем речь и как бы заново прочитываешь, но уже в своей голове. Не думал, что древние буквоеды не хуже наших. И способы стойки, способы захвата кистью, приемы вращения в различных плоскостях перед броском, материалы для пращ, снаряды. Оказывается, свинцовые пули применяли еще до появления огнестрела, они являются самыми хорошими снарядами для пращи. Обновив свои теоретические знания, приступил к практике. Закрепив один конец ремня на кисти, другой зажал между большим и указательным пальцем, заложил посередине камень и стал раскручивать свою пращу, изготовленную из обычного. ремня в вертикальной плоскости. Камень благополучно вывалился. Из десяти попыток бросить камень удачными получились только три. Хочешь не хочешь, а придется доводить конструкцию до ума, с кондочка не проскочишь. Споров с одежды карман, приспособил его на свою импровизированную пращу. Дела пошли лучше, камни, используемые мною, как снаряды больше не выпадали, но точность была просто отвратительная. Выбрав для мишени дерево отошел от него метров на тридцать и стал обстреливать его камнями, даже с такой для охоты никакой дистанции я из пяти попадал только один раз. Проанализировав еще раз древние трактаты стал экспериментировать со стойками, хватами, плоскостями вращения. Но снаряды уходили то рано, то поздно, улетали в небо, в землю, окрестные кусты, упрямо избегая дерево, выбранное мною, как мишень. Самое простое оружие, которое использовали люди с давних времен упорно не хотело мне поддаваться. Вспомнилась легенда, о том, что отец пастух подвешивал на дереве лепешку и пока сын не попадал в нее из пращи он не получал еды. Интересно сколько бы я ходил голодным с моими успехами в то время. Ладно медведя учат на велосипеде кататься. А мне кажется, что я все таки чуть лучше медведя, хотя через два часа пустых попыток стал в этом сомневаться. День моих бесполезных трудов уже подходил к концу, а я продвинулся в своем обучении если на сантиметр, теперь все камни хотя бы летели в сторону моей мишени. В

древности, чтобы стать настоящим пращником тренировались всю жизнь с детства. Но я всегда отличался упертостью и даже без своих уникальных способностей все равно бы не отступил. Забыв про голод, усталость можно было терпеть, в темноте видел хорошо, поэтому всю ночь упрямо долбил камнями дерево. Под утро не смотря на свою сверх выносливость свалился, в забытье. Проспав часа три, решительно взял пращу приготовившись тренироваться сегодня еще столько же. Движения уже были настолько автоматическими, что не требовали постоянного умственного контроля и мои мысли улетели далеко. Я, как робот швырял камни, а сам вспоминал детство. Речка, в которой купались до синевы. Простой ивовый прут, рыболовный набор за шестнадцать копеек. И умудрялся наловить две снизки пескарей, которых идя домой приходилось поднимать над головой, чтобы не цеплять землю. Наконец сосредоточившись понял, что уже давно без всякого труда кладу камень за камнем точно в цель. Вот так бы давно, а то лезет в голову всякая дребедень, медведь, велосипед. Ну, что ж нужно увеличивать расстояние, на тридцать метров к себе подпустит не всякая дичь. Увеличил дистанцию в двое и опять стал попадать через раз. Сел передохнуть и стал анализировать почему, силы моего броска хватало, чтобы зашвырнуть свои снаряды в три раза дальше, а попадал с пятое на десятое. Может быть камни, из-за того, что они разного размера, формы и самое главное веса. Я подобрал с десяток одинаковых по размеру и с легкостью послал все десять точно в ствол. Подготовившись еще раз стал расстреливать мишени на разном расстоянии доходя до придельного ну, что ж получалось довольно неплохо. Ну ясно дело, что не болеарский пращник тренирующейся с детства и входящий в элиту римского войска, но всё-таки. Не забывая, что меня разыскивают и со сломанной рукой из меня пока плохой боец двинулся в глубь континента, преследуя две цели, уйти от погони и по пути подстрелить какую-нибудь дичь. Ночью в кронах деревьев чирикали сотни птиц, днем ни одной приличной пташки крупней воробья, которую можно было рассматривать, как охотничий трофей. Я поднимался все выше в предгорье, понимая, что уходить от воды не стоит, вокруг нее сосредоточена вся жизнь, и рано или поздно мне должно повезти. В этом месте ручей протекал по ровному каменистому плато и ровно посередине лежал огромный валун разделяя поток на две части. Правую протоку и болото с крокодилами я практически уже исследовал, поэтому не мудрствуя лукаво повернул налево. Тем более, как размышляют наши женщины если перед мужчиной, две дороги одна налево, другая направо, он обязательно по привычке повернет налево. А у меня и выбора то не было. Кроме усиленного рычания моего желудка требующего еды, я понимал, что без усиленного питания ускоренная регенерация моего организма прикажет долго жить, и моя рука будет заживать в обычном режиме еще месяц. А с одной рукой выбираться будет очень проблематично. Значит еда выходит на первый план. С такими невеселыми мыслями я продолжал, как сайгак прыгать вдоль ручья с одного камня на другой. Ручей изгибаясь бежал то в одну сторону то в другую и когда повернул за один из его изгибов то просто обалдел. На каменистом плато разлилось огромное озеро. Оно было не глубоким, но очень чистым, на дне проглядывали все камушки, голубая чаша на фоне окружающей бушующей зелени. Но ни это так сильно поразило меня, я попал на настоящий птичий базар. Бесчисленное множество маленьких вертких уток, гусей, длинноногие цапли, множество ярких птиц, название которых я не знал, и раньше никогда не видел. И если у нас из птиц самой поразительной по красоте является лебедь, то здесь было царство розового фламинго. По мелководью разгуливали сказочные птицы, отличающиеся удивительно изящной окраской, от самой простой белой, до изумительно темно-розовой. Фламинго разгуливали по мелководью выискивая, что-то на дне, а часть застыла в «балетных» позах, удивительным образом изгибая свои длинные шеи, чуть ли не завязывая их узлом. Некоторые застыли стоя на одной ноге и засунув голову под крыло, по-видимому спали. Не смотря на все более настойчивые требования моего организма, что-нибудь поесть, убивать такую красоту у меня не поднимется рука. Да в общем от меня этого и не требовалось рядом со мной около берега ныряла стая уток. Я успел подбить трех штук прежде чем небо просто закрыли сотни встревоженных птиц. Сразу в голове всплыло множество рецептов от наших до древне греческих, но мне не до изысков, у меня

даже соли не было. Мастерство не пропьешь даже без соли получились с румяной корочкой просто объедение. Теперь с таким запасом птицы голод мне точно не грозит. Я уже устраивался поспать после вкусного обеда, когда небо просто обрушило на меня море воды. Прятаться от такого потока под деревьями не имело смысла. Под такой дождь, когда с неба льются реки воды я не попадал никогда. Дождь не прекращался, память услужливо подкинула справочку в Африке в сезон дождей, дождь может лить около суток. Вместо приветливого ручейка вдоль которого пробирался от моря теперь неслась настоящая горная река, через которую я бы не рискнул перебираться на другой берег. Нужно было срочно искать укрытие, и я побрел в сторону гор. Там, где не попадал на камень земля превратилась в настоящее болото и нога увязала по щиколотку. Плыть по грязи не хотелось, и я прыгал с камня на камень, как кузнечик. Когда мне уже казалось, что этот мой заплыв никогда не кончиться, дождь неожиданно прекратился небо очистилось и выкатилось такое не ласковое по нынешним меркам солнышко, что буквально через пол часа от жары и испаряющейся влаги просто стало нечем дышать. Идя в сторону гор выбрался на каменистое плато, теперь ноги не вязали в попавшиеся между камнями землистые участки и идти стало гораздо легче. Однако скорость моя вскоре вновь упала, я добрался до предгорья, и моя дорога шла все время вверх. Я уже добрался до гор, когда мне неожиданно повезло. Пробираясь все выше увидел расщелину и протиснувшись в ней буквально на метра два попал в сухой, просторный грот. В углу яма, наполненная чистой водой. После того, как побывал под развернувшиесями небеасми такое укрытие показалось просто чудом. Одежда уже просохла, наломал веток с какими-то длинными листьями, заложил проход в грот камнями и спокойно отправился в царство морфея. В течении нескольких последующих дней мой распорядок не менялся. Купание в ручье. Он протекал недалеко от моего убежища. Прогулка на охоту. В озере оказалось много рыбы и изготовив из дерева острогу я разнообразил свое меню. Приготовление пищи. Готовил сразу на весь день и крепкий здоровый сон. Санаторный режим и хорошее питание пошло мне на пользу, рука заживала на глазах и если опять, что-нибудь не случиться еще дня через три будет можно о ней забыть. Не зря я оговорился даже в своих мыслях, что-нибудь случилось уже на следующий день. Рука не беспокоила, спать уже надоело, с охотой я справлялся быстро появился резерв времени, который надо было куда- то деть. И я отправился изучать окрестности. На восток ходил каждый день на охоту и знал в той стороне местность уже не плохо. На западе были горы и лезть туда с еще не зажившей до конца рукой смысла не было. Поэтому выбрал маршрут на юг. Шел не спеша стараясь, как можно лучше контролировать местность. Мой путь проходил сверху вниз, так-как я спускался с предгорий в долину и мне было видно все, что происходило впереди меня. Благодаря моему положению и ветру, дующему мне на встречу огромное стадо животных не видело и не чувствовало мое приближение. Страусы и зебры паслись вместе, никогда не думал, что это возможно. Сотни полосатых зебр и между ними длинные шеи страусов. Ошибочное мнение, что страус в случае опасности прячет голову в песок. Он может укрываться стелясь по земле. Но главное его оружие –это ноги, взрослый страус развивает скорость до 70км/час, а месячный страусенок бегает со скоростью 50км/час. Хотя страус может не только убегать, его ноги настолько сильные, что ударом ноги он может убить льва. Я находился довольно далеко, сверху мне было видно все стадо, хотя отдельные детали из-за большого расстояния было не разглядеть, и я потихоньку продвигался вперед, чтобы как следует рассмотреть зебр и гуляющих между ними страусов. Вдруг со всех сторон стали раздаваться какие-то леденящие душу звуки похожие на истерический хохот слабоумных людей. В голову полезли всякие мистические штучки мертвецы, оборотни, так распространённые рассказы про африканских шаманов превращающих людей в зомби. Повернул голову в сторону от тревожно убегающего стада и обомлел. На меня неслись со страшной оскаленной пастью, с прижатыми к голове ушами, горящими глазами и топорщащей гребнем шерстью, ростом с хорошую кавказскую овчарку пятнистые чудовища. Стая гиен выгнувшись подковой неслась на стадо зебр и страусов и одним краем это подкова захватывала меня. Скорости, с которой я рванул с места позавидовал

бы любой олимпийский чемпион, но здесь не олимпийские игры, ставка не медали, а жизнь. В этом забеге на жизнь я был самым слабым звеном, так как принял старт позже всех и здорово отставал от зебр и страусов. Но я и не побежал вслед за стадом, а рванул на и скосок надеясь вырваться из полукольца. Со здоровой самкой мы буквально столкнулись несясь в разные стороны. Пятнистая молния в одно мгновение отлетев от столкновения бросилась на меня. Удар дубиной между глаз разнес бы человеку голову, а эту черепушку не разбив только оглушил. Задержка на секунды не прошла для меня бесследно и на меня уже летели три разъярённых гиены. Две от боковых ударов разлетелись в разные от меня стороны, ударить третью я не успевал прямо перед лицом возникла страшная зубатая пасть. Я ткнул в раскрытую смердящую глотку другой край дубины, раздался хруст смыкающихся челюстей, и моя дубина стала на четверть короче. Пока эта образина была занята дубиной, в моей руке оказался нож, который я и загнал между ребер по самую рукоятку. Выхватив нож со всех ног кинулся дальше. Сзади раздался уже, какой-то другой вой, и я селезенкой понял, что это вой призыва и за мной уже гонится вся стая. Я несся, как ураган и чувствовал, что сзади меня уже никто не догонит. Но стая на загон шла широким фронтом и мне на перерез двигалось несколько зверюг. Когда справа по ходу показалось несколько особей и надежды уйти совсем не оставалось на пути гиен попало какое-то препятствие и рычащий живой клубок покатился в сторону. Через несколько минут я добежал до своего укрытия и всех остальных нападающих встретил в узком проходе. После того, как уложил штук пять гиен, нападения закончились и оставшиеся в живых стали пожирать своих сородичей. Заложив вход в расщелину огромными камнями и убедившись, что ко мне никто не проникнет попытался уснуть. Какофония звуков, доносившихся от входа в виде рычания, истерического хохота и хруста пожираемых костей была никак не похожа на баю, баюшки, баю. Проворочался с час, но усталость и перенесенная нервная встряска сделали свое и я провалился в спящее забытье. Утром разобрав завал убрал остатки пиршества, вонь от них стояла просто омерзительная. Боятся повторного нападения, не стоило, потому что знал, что гиены поодиночке очень трусливые и на человека могут напасть только в стае. Перед тем, как идти на охоту решил проверить, что же послужило мне вчера таким чудесным избавлением, когда казалось, что от погони мне уже не уйти. Пройдя немного обнаружил останки двух гиен, двигавшихся вчера мне на перерез. С кем же они вчера бились, я стал внимательно оглядываться кругом. Рядом с местом где я стоял лежал огромный валун, а под ним узкая щель в конце которой виднелся, какой-то черный клубок шерсти. Я пригляделся повнимательнее и увидел, как в темноте блеснули два зеленых глаза. По идее надо было тихо мирно забыть об этом клубке шерсти, но меня словно магнитом тянуло под этот камень. Я долго разглядывал, что же находится под камнем, но из-за плохой освещенности увидеть большего, как не старался не смог. Углубление было не очень большим, и я решил, что если продвинусь немного большой опасности для меня это не составит. Убедив себя двинулся потихоньку вперед. В это время солнце изменив свое положение, словно по заказу осветило все пространство под камнем. Передо мной находился детеныш пантеры, это был уже опасный зверь не зря он справился с двумя взрослыми гиенами. Но в его взгляде было столько тоски и беззащитности от этого жестокого мира. Он был на столько изранен и ослаблен потерей крови, что даже пошевелиться уже не мог. Ну, что малыш если бы ты не защитил меня на твоем месте возможно был бы я. Я заговорил, какую околесицу нес уже не помню, но главное в моем монологе были не слова, а интонация. Моя речь не прекращалась не на минуту и в какой-то момент я почувствовал, что животное уставшее от боли, голода, одиночества верит мне. Продолжая говорить протянул руку и аккуратно погладил по голове. Пантера прикрыла глаза, подчиняя себя моей воле. Зверь была не маленькая, но еще не набрала своих взрослых габаритов, и я без труда дотащил ее до своего убежища. Ран на ее шкуре было столько, что она не могла просто стоять. И смотрела на меня больным жалобным взглядом. Сходив на охоту и добыв своих очередных трех уток и двух приличных рыбин, распотрошил уток, нарезал потроха мелкими кусочками и нанизав кусочек на палочку поднес к морде. Голова не поднялась, но пасть с очень даже внушительными клыками открылась и кусочек был проглочен. Скормив все

потроха решил, что для первого раза достаточно. Однако предположение о том, что Барсик, так я прозвал пантеру сильно болен были мной преувеличены. Утром не хвоста от рыбы, не косточки от уток обнаружены не были. По перепачканной, довольной даже во сне морде Барсика куда пропала добыча, особых домыслов строить было не надо. Следующие три дня уток я уже не чистил, а просто сваливал их перед Барсиком, а дальше он разбирался с ними сам. На четвертый день он решил сопроводить меня на охоту и чинно вышагивал нарезая вокруг меня круги, то обгоняя меня, то шагая, где-то сбоку. Когда он принес первую подбитую мной утку, моя челюсть упала ниже пояса. Охотничьих собак долго натаскивают на это, а тут без всяких команд посчитать меня за хозяина и принести добычу. Так мы охотились, теперь с учетом, что количество едоков возросло я добывал не три, а шесть уток. Тащить всю добычу домой я посчитал излишним и выделив две утки положил перед Барсииком ешь. Он понял и в течении двух минут уничтожил свою долю. Рука зажила окончательно, отсиживаться в лесу мне надоело, надо было двигаться дальше. Передо мной стояло две задачи, забрать пояс и выбраться домой, хорошо бы разжиться нормальным оружием. День еще не докатился до полдня, я уже поохотился и довольно плотно поел времени до заката было полно, и я решил исследовать северное направление. Барсик видимо предпочитавший ночную жизнь, после двух захамяченных уток желания сопровождать меня не изъявил, и я прихватив свою дубину отправился в свое путешествие один. После встречи с гиенам стал значительно осторожнее и старался внимательнее осматривать все пространство впереди меня. Поэтому дорогу увидел издалека. Хотя назвать эти две едва видных параллельных полосы дорогой было бы слишком звучно. Но следы от колес были видны и не оставляли сомнения, что проезжали здесь не один раз. Дорога все время шла по ровной поверхности и почти не петляла изредка ныряя в небольшую складку, поэтому просматривалась далеко вперед и принести неприятности в виде неожиданной встречи с аборигенами не могла. Настроение было хорошее поэтому весело насвистывая «Солдатушки браво ребятушки» двинулся в глубь континента. Я прошагал уже несколько часов, а дорога все также змейкой убегала куда-то вперед и никаких признаков деятельности человека. Солнце палило не шуточно, запасов воды у меня с собой не было поэтому я уже подумывал повернуть назад, когда впереди замелькали маленькие точечки, мне навстречу шли какие-то люди. Значит я наконец-то получу хоть какую-то информацию. Пока здешний мир встречал меня очень неприветливо и надеяться, что отношение ко мне аборигенов изменилось не приходилось. Дело было к вечеру и скорее всего люди, идущие по дороге вскоре остановятся на привал, а там в зависимости от обстоятельств можно будет взять языка и разжиться нормальным оружием. Отойдя подальше от дороги я не спеша двинулся назад, солнце подходило к закату вряд ли они будут двигаться в темноте. В скором времени я убедился в правильности своих рассуждений увидев костры стоянки. Ну, что ж посмотрим, кто здесь живет. Костров было три штуки, значит в караване было приблизительно человек тридцать. Однако мое благодушное настроение вскоре развеялось, впереди меня ждал, совсем неприятный сюрприз. Я услышал отчетливый лай собаки, значит пока ее не уберу к стоянке мне не подобраться, однако никаких мыслей, как убрать это препятствие в голову не приходило. Стрелять нельзя, переполошишь весь лагерь, убрать ножом тоже не выход, собака перед нападением поднимет лай, да и потом ее пропажа не останется незамеченной, пойдут по следу и найдут с перерезанным горлом. После такого предупреждения тихо языка не возьмешь. А устраивать кровавую бойню ни в чем не провинившихся передо мной людей не хотелось. Я лежал метрах в восемьсот от лагеря и никак не находил выхода из создавшегося положения, когда в руку ткнулся мокрый нос, и черная тень легла у моих ног. Ага, а вот кажется и решение нашей проблемы, если собаку разорвет хищник все посочувствуют, но особой тревоги поднимать не будут. В том, что пантера без труда справиться с собакой я не сомневался. Ну, что двинулись, темень стояла кромешная и я не посчитал нужным ползти, спокойно пошел в сторону лагеря, присутствие моего друга я скорей мог чувствовать только на интуитивном уровне видеть его в ночи не мог даже я. Дальше все было предсказуемо, почувствовав нас собак с лаем бросилась в нашу сторону, короткий взвизг и такая

долгожданная тишина. Но вот реакция кочевников нам совсем не понравилась. Тишину ночи прорезали очереди, как минимум пяти автоматов, рядом со мной был довольно здоровый камень за который я и свалился, и теперь переживал только из-за Барсика, но оказывается совсем зря. Умная зверюшка почувствовав опасность решила довериться моим инстинктам и улеглась рядом со мной. Патронов у наших оппонентов было завались, и они минут пять кромсали вокруг нас землю и если бы не камень, то вряд ли мы выбрались бы живыми. Закончив стрельбу кочевники еще часа два не могли угомонится, но вскоре у костра остались сидеть человека три остальные расползлись спать в две юрты установленные посреди лагеря. Подобраться к лагерю оказалось все равно не просто, вокруг подогнув ноги или завалившись на бок лежали верблюды, как они прореагируют на человека было не понятно. Но тут помог его величество случай, один из кочевников поднялся и как говорят на Украине «пошел до витру». Удар по затылку отправил его отдыхать минимум на час. Одев на голову довольно сильно повaнивающую чалму и черную куртку без рукавов спокойно зашагал к костру. Минут через пять все шесть человек охраны лежали в рядок хорошо упакованными. В результате моих героических действий я оказывается освободил десять красоток и троих юношей племени банту. Один из этих юношей довольно сносно говорил на английском и чем больше он меня просвещал, тем больше до меня доходило в какую задницу я попал. Первое из всего африканского побережья меня угораздило попасть в Сомали, где каждый воюет с каждым и уже двадцать лет идет война. Второе я влез в разборку между племенами. Теперь у меня шесть работорговцев, три Петрухи, и десять Гульчатай. Товарищ Сухов я тебе завидую, мне помощи ждать неоткуда. По идее тихо свалить бы и не ввязываться в меж клановые разборки, но Петрухи с Гульчатаями смотрят на меня, как на икону и чертова совесть, вместе с мужским достоинством, вешает на шею кучу проблем.

http://tl.rulate.ru/book/5189/427857